

Коммунистический Интернационал в восприятии американских дипломатов, 1919–1944 гг.

Бакшаев Максим Владимирович

кандидат исторических наук, Вятский государственный университет.

Россия, г. Киров. ORCID: 0000-0001-6271-1308. ResearcherID: NIK-2285-2022. E-mail: randvmax@gmail.com

Аннотация. На основе документов Государственного департамента США реконструируется позиция его руководителей и дипломатов в отношении Коммунистического Интернационала за весь период времени от его основания до роспуска. Особое место уделяется Компартии США как секции Коминтерна. Деятельность Коминтерна сказалась на внешней политике США и наложила отпечаток на воззрения дипломатов (Ф. Колеман, У. Буллит, Э. Пейдж-мл.) и стратегов-идеологов (Дж. Кеннан, Зб. Бжезинский). Опыт участия американского дипломатического ведомства в 1920-е – первой половине 1940-х гг. в противодействии «мировой компартии» актуален и поныне. В обозначенный период истории в Соединенных Штатах разрабатывались методы нейтрализации политических противников (Компартии США, а после Второй мировой войны – компартий стран Западной Европы и просоветских сил по всему миру), которые и сейчас в модифицированном виде используются Вашингтоном. Цель статьи: проследить изменения позиции дипломатического корпуса США в отношении Коминтерна в 1919–1943 гг. Предметом исследования являются оценки, планы и действия американских дипломатов, использовавшиеся в ходе формирования политики США по отношению к Советской России/СССР до начала и во время Второй мировой войны. Обоснованы выводы: 1) в 1920-е гг. американские дипломаты осознавали неразрывность связей между Советской Россией/СССР и Коминтерном, между Коминтерном и Компартией США, что вело к выработке специфических способов противодействия коммунистам со стороны правительства США, (репрессивных, законодательных, агентурных, информационных и оградительных); 2) деятельность Коминтерна и Компартии США в 1920-е – начале 1930-х гг. осложняла отношения между Москвой и Вашингтоном и побуждала законодателей и дипломатов США противодействовать иностранной подрывной деятельности; 3) во время Второй мировой войны Госдепартамент был обеспокоен самим фактом существования Коминтерна и в феврале 1943 г. выработал позицию, согласно которой важные соглашения с СССР должны были включать положение о прекращении деятельности Коминтерна. Результаты исследования могут быть привлечены для последующих штудий по истории советско-американских отношений, истории международного коммунистического движения.

Ключевые слова: советско-американские отношения, Государственный департамент США, Коммунистический интернационал, Компартия США, закон Вурхиса.

Третий Коммунистический Интернационал, международное объединение коммунистических и рабочих партий, просуществовал всего 24 года, но оставил заметный след в мировой истории. Изначально нацеленный на мировую революцию и формирование международной поддержки Советской России в условиях Гражданской войны и интервенции, Коминтерн корректировал свои цели с учетом менявшейся международной обстановки. Несмотря на роспуск в 1943 г., интерес к его истории не исчезает. Образ Коминтерна используется политическими лидерами, экстраполирующими, идеалистически или демонически, его цели и методы на современность [7, с. 8] или иницилирующими проекты создания международного объединения, подобного Коминтерну, для продвижения собственных геополитических интересов¹ [35, р. 20].

Американские дипломаты сталкивались с деятельностью Коминтерна на всем протяжении 1920-х – начала 1940-х гг. Совместно с сотрудниками ФБР они выработывали правила и методы нейтрализации этой организации, которые пережили Коминтерн, использовались

© Бакшаев Максим Владимирович, 2024

¹ В этом ключе, например, высказывался в 1950 г. выпускник Университета Макгила, впоследствии ставший советником Президента США Дж. Картера по национальной безопасности (1977–1981), Зб. Бжезинский: «Запад имеет в своем распоряжении все средства для создания многонациональной антисоветской версии Коминтерна, и его привлекательность была бы чрезвычайно велика». Французский историк Ж. Вайсс первым среди исследователей обратил внимание на эту примечательную во всех смыслах рекомендацию и прокомментировал ее: «Западу следовало создать своего рода Коминтерн с обратным знаком (inverse Comintern), который обострил бы национальные проблемы и разжег бы внутренние противоречия, способные взорвать советский блок и сам Союз». Обе цитаты взяты из книги Ж. Вайсса.

во время холодной войны и применяются в наши дни. Третий Интернационал они считали внешнеполитическим инструментом Советской России, а входившие в его состав партии расценивались как подрывные организации. После Второй мировой войны Вашингтон стал помогать некоммунистическим партиям Западной Европы и других регионов мира противодействовать влиянию коммунистов. Эффективное масштабирование внешнеполитическими структурами США антикоммунистических мероприятий на страны Западной Европы (со второй половины 1940-х гг.) вряд ли могло бы состояться без опыта противостояния Коминтерна и Компартии США² в 1920-е – начале 1940-х гг.

Список исследований по тематике коминтерноведения весьма обширен. Фундаментальным аспектам истории Коминтерна посвящены исследования Г. М. Адибекова, А. Ю. Ватлина, Э. Н. Шахназаровой, К. К. Ширини, Ф. И. Фирсова, В. Л. Хейфеца и Л. С. Хейфеца [1; 3; 7; 13]. Возникновение Компартии США и ее деятельность в рамках Коминтерна исследуется в работе П. С. Петрова [10]. Современная англоязычная историография взаимоотношений Коминтерна и Компартии США изучена И. А. Суздальцевым [11; 12]. Работы данных авторов не затрагивают фактор Коминтерна в дипломатии США 1920-х – начала 1940-х гг. Откликам американской общественности и дипломатического корпуса США в связи с роспуском Коминтерна в 1943 г. посвящено исследование В. Т. Юнгблуда [15]. Среди зарубежных историков влияние фактора Коминтерна на советско-американские отношения прослежено в работах Х. Клэра, Дж. Зумоффа, И. Исэрмана [27; 28; 36], отчасти – в исследованиях Б. Байерляйна, Ф. Клаудина [2; 18]. Последствия вмешательства Коминтерна в деятельность Компартии США изучены Дж. Барретом [16].

В мировой и отечественной историографии до сих пор комплексно не изучены планы и конкретные акции американских дипломатов в отношении Коминтерна с начала 1920-х до середины 1940-х гг. Данное исследование призвано заполнить эту лакуну.

Госдепартамент США и Коминтерн, 1919–1933 гг. Приход партии большевиков к власти в России в 1917 г. был встречен в США с подозрительностью и враждебностью. В США разрабатывались новые формы противодействия коммунистическому и леворадикальному движениям, начал формироваться антикоммунизм, ставший характерным признаком американской политической культуры.

Большевики приступили к созданию интернациональной организации для координации международного революционного движения и преодоления изоляции в неблагоприятных внешнеполитических условиях. Впервые упоминание о запланированном Москвой создании «Рабочего Интернационала» было сделано американским поверенным в делах России Д. К. Пулом-младшим в отправленной из Архангельска телеграмме госсекретарю США Р. Лансину 11 февраля 1919 г. [30, р. 51]. Поверенный понимал, что «диктатура российского пролетариата не может существовать долго без подобной социальной революции за рубежом» [30, р. 52]. Но вести о грядущем появлении Третьего Интернационала не придали особого значения как сам посол, так и Госдепартамент.

В работе состоявшегося 2–6 марта 1919 г. Первого конгресса Коммунистического Интернационала принимали участие представитель левого крыла Социалистической партии Америки (СПА) Б. Рейнштейн (с правом решающего голоса), покинувший США и перебравшийся в Россию еще в июле 1917 г., а также С. Ю. Рутгерс от Лиги социалистической пропаганды Америки с правом совещательного голоса, который был делегирован также от группы голландских социал-демократов. В выступлении на первом заседании Конгресса Рейнштейн утверждал, что в США созрели условия для социалистической революции, что американский пролетариат будет играть решающую роль в борьбе против мирового капитализма в ходе всемирной социалистической революции [9, с. 35]. Не подвергая сомнению влияние, которое Октябрьская революция в России оказала на американский пролетариат, делегат от СПА уверенно говорил об объединении «под нашим знаменем III Коммунистического Интернационала» большинства американских пролетариев [9, с. 35].

Внутри самой Социалистической партии США через несколько месяцев после I конгресса Коминтерна произошел раскол. Левое крыло активно выступало в поддержку Советской

² До 1929 г. Компартия США несколько раз меняла свое название: Коммунистическая рабочая партия Америки (1919–1920) и Коммунистическая партия Америки (1919–1920) при посредничестве Коминтерна сформировали Объединенную Коммунистическую партию Америки (1920–1921), которая легализовалась затем под названием Рабочей партии Америки (1921–1929).

России и требовало присоединения партии к Коминтерну. В ответ на эти призывы 24–30 мая 1919 г. Национальный исполнительный комитет СПА, состоявший из умеренных социалистов, начал исключать партийные организации и федерации, поддерживавшие левое крыло [10, с. 180].

1 сентября 1919 г. Ч. Рутенберг и Л. Фрейна, к которым присоединились левые социалисты и другие радикалы, не допущенные на съезд СПА, создали Коммунистическую партию Америки (КПА). 2 сентября 1919 г. Дж. Рид, Б. Гитлоу и группа сторонников большевиков основали Коммунистическую Рабочую партию (КРПА). Обе партии заявили о верности делу Октябрьской революции и Коминтерну. Разница между КПА и КРПА состояла в этническом составе партий: «КПА состояла преимущественно из иммигрантов, не говорящих по-английски, в основном из Восточной Европы, которые имели многолетний опыт участия в международном социалистическом и рабочем движении, но имели слабые представления об американских реалиях. Меньшая по размеру КРПА была более укорененной, менее теоретически изоцированной, но более созвучной американскому обществу» [36, р. 57].

Существование двух компартий в США стало предметом обсуждения в Исполкоме Коминтерна (ИККИ). В январе 1920 г. председатель ИККИ Г. Е. Зиновьев направил в Америку курьера, который был арестован при попытке пересечь территорию Латвии. Находившиеся при нем документы были конфискованы. В марте 1920 г. специальный представитель Госдепартамента в Латвии Дж. Гэйд проинформировал госсекретаря, что курьер имел при себе проект соглашения об объединении КПА и КРПА и письмо Зиновьева с рекомендацией партиям срочно начать работу по их объединению и указанием разорвать связи с Соцпартией [31, р. 450]. Американские власти серьезно отнеслись к этой информации: члены КПА и КРПА стали подвергаться преследованию со стороны Федерального бюро расследований (ФБР). Налеты полиции на штаб-квартиры коммунистических и левых организаций, аресты руководителей, депортации коммунистов-эмигрантов в Россию, засылка провокаторов и осведомителей заставили американских коммунистов перейти на нелегальное положение.

Случай с курьером стал поводом для изучения информации о связи Коминтерна с организациями североамериканских коммунистов, а также высылки американских коммунистов – выходцев из России – в Советскую Россию. Госсекретарь У. Колби выразил намерение договориться с Эстонией об обеспечении транзита через ее территорию депортированных американских коммунистов [31, р. 698].

Существование параллельных компартий в США стало для Коминтерна очевидной проблемой. Исполком Коминтерна даже направил письмо в адрес руководителей обеих компартий, в котором грозил не допустить американских делегатов на Третий конгресс, если партии не смогут договориться об объединении [28, р. 19].

Преследования коммунистов в США не привели к прекращению их деятельности. В 1921 г. образовалась Объединенная компартия Америки, легальное крыло которой получило название Рабочей партии Америки. В 1929 г. РПА приняла название Коммунистической партии США. Таким образом, объединение стало итогом не столько договоренностей между КПА и КРПА, сколько усилий Коминтерна, направленных на ускорение процесса слияния партий в единую организацию.

Поскольку Советская Россия контролировала Коминтерн и издавала его директивы, то, по логике американских властей, Компартия Америки, согласившаяся с требованиями «Двадцати одного условия приема в Коммунистический Интернационал» (Второй конгресс, 30 июля 1920 г.), признавала себя подчиненной целям и политике Советской России.

Федеральное правительство отреагировало на это охотой на коммунистов и радикалов во время так называемой «Красной паники». Генеральный прокурор А. Митчелл Палмер возглавил эту кампанию, а Дж. Эдгар Гувер, служивший начальником отдела общей разведки Министерства юстиции США, координировал борьбу с подрывной деятельностью. Гувер считал, что беспорядки были частью скоординированного плана, разработанного в Москве, чтобы разжечь революцию во всем мире [34, р. 13]. В ходе рейдов Палмера в ноябре 1919 г. и январе 1920 г. массово арестовывались социалисты, анархисты и коммунисты, рабочие-активисты, а эмигранты из их числа высылались из страны. «Красная паника» оставила глубокий след в антирадикальном и «антибольшевистском» законодательстве, и было запечатлено в многочисленных законодательных собраниях различных штатов. Если в 1917 г. только в двух штатах действовали законы против «красных», то к концу 1923 г. их число увеличилось до двадцати пяти [29, р. 12].

На протяжении 1920-х гг. Госдепартамент следил за международными связями Коминтерна. В письме госсекретарю США Ч. Э. Хьюзу сотрудник посольства США в Латвии Ф. Колеман подчеркивал роль Коминтерна как инструмента в руках Российской коммунистической партии (большевиков), используемого Советским правительством с целью установления социалистического общества в мировом масштабе [32, р. 784].

Госдепартамент не упускал из виду любые документы и инструкции, фиксирующие деятельность Коминтерна в США. В частности, в пресс-релизе от 19 декабря 1923 г. на основании перехваченного текста инструкций Коминтерна для Рабочей партии Америки утверждалось, что Коминтерн контролирует деятельность Рабочей партии в США. В том же документе говорилось, что Коминтерн являлся органом РКП(б), служащим для международной пропаганды. Советы также контролировались партией коммунистов. Из этого вытекало, что «устойчивость Советской России важна для Коминтерна, а укрепление и развитие Третьего Интернационала имеет большое значение для Республики Советов» [32, pp. 791–792].

В 1920-е гг. среди сотрудников Госдепартамента сложилось устойчивое убеждение, будто Коминтерн имел ярко выраженную антиамериканскую направленность, т. к. уничтожение американского империализма его лидеры считали «необходимой предпосылкой успешного развития международного революционного движения в Новом Свете» [33, р. 356]. Госсекретарь Ф. Б. Келлог в 1927 г. обвинил американских коммунистов в том, что по указанию Москвы они вели антиамериканскую деятельность. Под активной антиамериканской деятельностью глава Госдепартамента подразумевал создание Американской антиимпериалистической лиги, установление связей и ведение переписки руководством Рабочей партии США с рабочими организациями Мексики и стран Латинской Америки. Госдепартамент был серьезно обеспокоен деятельностью Коминтерна в Центральной и Южной Америке, территории которых Вашингтон считал исключительно своей сферой влияния.

В 1920-е гг. руководители государственного департамента США сделали важные выводы: 1) деятельность Коминтерна без должного противодействия приведет к свержению действующих правительств в капиталистических странах; 2) Советская Россия (Советский Союз) и Коминтерн, государство и международное объединение коммунистов, нацеленное на мировую социалистическую революцию, неразрывно связаны и переплетены; 3) через свою национальную секцию – Компартию США – Коминтерн ведет антиамериканскую деятельность внутри страны и стремится координировать ее в латиноамериканских государствах.

Проблема Коминтерна в отношениях США и СССР в предвоенное время. В 1933 г. при обсуждении вопроса о дипломатическом признании СССР заведующий восточноевропейским отделом Госдепартамента Р. Келли отмечал, что основными препятствиями для установления официальных межгосударственных отношений являются провозглашенная Москвой цель международной революции и направленная на ее осуществление практика Коминтерна. Существенными предпосылками для гармоничных и доверительных двусторонних отношений Келли считал отказ от курса на международную революцию и прекращение деятельности, направленной на достижение этой цели. Применительно к США это включало «отказ Москвы от руководства, надзора, контроля, финансирования и т. д. через всякое учреждение, используемые для этой цели, деятельности коммунистов и других связанных с ними организаций в Соединенных Штатах» [22, р. 7]. И хотя до момента официального признания СССР этот вопрос не поднимался (американцев больше волновал вопрос о выплате Советским Союзом долгов царской России и Временного правительства), выдвинутые Келли условия вряд ли могли быть приняты Москвой.

16 ноября 1933 г. народный комиссар иностранных дел М. М. Литвинов проинформировал президента США Ф. Д. Рузвельта о том, что СССР будет сдерживать все подконтрольные организации от явных или тайных действий, которые могут нанести ущерб безопасности США или призывать к насильственному изменению политического порядка; не будет создавать, поддерживать и финансировать организации или группы, ведущие вооруженную борьбу против США; не станет допускать создания или расположения на территории СССР групп или организаций, готовящих насильственное изменение политического или социального порядка в Соединенных Штатах [22, pp. 28–29]. Примечательно, что Литвинов при этом ни разу не упомянул Коммунистический Интернационал.

Американские дипломаты воспринимали заверения Литвинова как уловку. Посол США в СССР У. Буллит регулярно сообщал в Госдепартамент о нарушениях обязательств со стороны Советского Союза. В письме госсекретарю К. Халлу (август 1934 г.) в качестве доказатель-

ства такого нарушения он указывал на участие представителей Компартии США Э. Браудера и У. Вайнстона в Пленуме ИККИ в Москве в декабре 1933 г. и получение в его ходе «инструкций для деятельности в Соединенных Штатах». Буллит информировал Вашингтон о работе VII конгресса Коминтерна (25 июля – 20 августа 1935 г.), по окончании которого он писал в Госдепартамент, что, несмотря на нарушения данных Литвиновым обещаний (на конгрессе присутствовали делегаты от Компартии США), разрывать дипломатические отношения с СССР нецелесообразно. Он отмечал, что если отношения будут разорваны, то восстановить их будет чрезвычайно трудно, и с учетом высокой вероятности начала войны в течение ближайшего десятилетия он рекомендовал «сохранить официальное представительство Соединенных Штатов в Москве» [22, р. 245]. В качестве ответа Буллит предлагал ограничить выдачу виз советским гражданам, членам Компартии США, сотрудникам Коминтерна и Красного интернационала профсоюзов.

25 августа 1935 г. Буллит выразил протест по поводу обсуждения на VII конгрессе Коминтерна деятельности компартии США. Посол выражал крайнее возмущение по поводу «формулирования Конгрессом [Коминтерна] политики, которую должна проводить <...> компартия», что являлось, по его мнению, вмешательством во внутренние дела США. От имени правительства он заявил, что необходимым условием поддержания нормальных и дружественных отношений между Вашингтоном и Москвой является «неукоснительное выполнение обещания невмешательства» в дела друг друга [22, р. 251].

Ответ СССР был подготовлен 27 августа заместителем наркома иностранных дел СССР Н. Н. Крестинским, который отклонил протест в связи с тем, что в нем отсутствовали факты, которые можно было бы рассматривать как нарушение Советским правительством своих обязательств, тем более что «правительство Союза Советских Социалистических Республик не <...> принимало на себя никаких обязательств в отношении Коммунистического Интернационала» [22, р. 252]. Через четыре дня после ответа Крестинского вышло заявление Госсекретаря США Халла с требованием прекратить вмешательство во внутренние дела США, иначе «дружественные и официальные отношения» между двумя странами могут серьезно пострадать [22, р. 259].

9 ноября 1935 г. Келли, Буллит и Литвинов встретились в Москве для того, чтобы обсудить эту проблему. Слова наркома о том, что он не несет ответственность за деятельность Коминтерна, а также, что Советское правительство не будет ограничивать деятельность Коминтерна или американских коммунистов в Соединенных Штатах, возмутили американских дипломатов. В ответ было заявлено, что «Соединенные Штаты желали дружеских отношений с Советским Союзом», но теперь стало ясно, «что деятельность Коммунистического Интернационала, которую направляет Сталин, несовместима с ними» [22, р. 259]. Примечательно, что Буллит, который писал об этой встрече госсекретарю, додумывал за советского наркома ответы: «[Литвинов] не добавил вслух, но подразумевал, что <...> действительно дружеские отношения с Соединенными Штатами имели малое значение для Советского Союза» [22, р. 252].

Позиция Госдепартамента США относительно деятельности «мирового коммунизма» во время Второй мировой войны (1940–1943 гг.). К началу Второй мировой войны американо-советские отношения переживали самый острый с момента установления дипломатических отношений кризис. Американские дипломаты пытались разобраться в истоках возникшей ситуации. Сотрудник Отдела по европейским делам Э. Пейдж-мл. подготовил в октябре 1940 г. аналитическую записку под названием «Некоторые аспекты советской этики в международных отношениях». Для Пейджа вопрос о нарушении письменных обязательств, данных Литвиновым Рузвельту, представлялся первостепенным. Ухудшение отношений между СССР и США, по его мнению, было прямым следствием отказа Советского правительства взять на себя ответственность за деятельность Коминтерна [23, р. 226].

Пейдж не ограничивал претензии к СССР только Коминтерном и напоминал, что Москва не информировала посольство об арестах американских граждан на территории СССР, медлила с ответом на запросы консульства о возможности посещения находившихся под стражей в СССР американских граждан, отказалась выплачивать дореволюционные долги России, а также возместить ущерб, нанесенный американским собственникам в ходе национализации или конфискации, прошедшей после присоединения к СССР территорий Восточной Польши, Финляндии, Румынии, Латвии, Литвы и Эстонии. В заключении делался вывод: «В свете событий, описанных выше, становится очевидным, что Кремль, не колеблясь, нарушает свои письменные обязательства и подчиняет своих более слабых соседей. Очевидно, что никакие

действия или политика не должны основываться на вере Кремлю на слово, даже если оно кажется заслуживающим доверия» [23, pp. 229–230].

Поскольку дипломатические переговоры не дали результата, после начала Второй мировой войны проблема законодательного ограничения вмешательства иностранных организаций во внутренние дела США решалась Конгрессом. В июне 1940 г. был принят «Акт о регистрации иностранцев» (закон Смита), установивший уголовное наказание за участие в деятельности организации, призывающей к насильственному свержению правительства. В соответствии с этим законом всякий иностранец, находящийся на территории Соединенных Штатов и не имеющий гражданства, должен был пройти процедуру регистрации. 17 октября 1940 г. был принят «Акт о регистрации находящихся под контролем иностранных государств организаций, осуществляющих политическую деятельность в США» (закон Вурхиса), который требовал от организаций, ставящих целью свержение правительства США или использование насильственных методов для осуществления над ним контроля и находящихся под контролем иностранных государств, зарегистрироваться в Министерстве юстиции и предоставлять подробную информацию об участниках, спонсорах и деятельности организации [5, с. 180; 28, p. 7].

Хотя изначально эти законы были приняты для борьбы с агентурой фашистских стран, Коминтерн воспринял их как угрозу для существования Компартии США. Поэтому 18 ноября 1940 г. внеочередной съезд партии принял предложение Генерального секретаря ЦК КП США Э. Браудера о выходе из Коминтерна, а также прекращении деятельности «во всех других организациях, существующих за пределами Соединенных Штатов Америки», чтобы не попасть под действие закона Вурхиса, вступавшего в силу с 1 января 1941 г. и преследовавшего цель лишить Компартию США легального статуса [2, с. 422].

Выход Компартии США из состава Коминтерна осуществлялся с предварительного одобрения его руководства. Согласно воспоминаниям председателя ИККИ Г. Димитрова, 16 ноября 1940 г., за два дня до принятия решения о выходе КП США из Коминтерна, на встрече с П. Тольятти (Эрколи), А. Марти и К. Готвальдом он заявил: «Если необходимо принять резолюцию о принадлежности организации (к Коминтерну), то эта резолюция должна подчеркнуть верность партии марксизму-ленинизму и пролетарскому интернационализму в то время, когда в интересах сохранения своих законных возможностей легальной работы партия вынуждена временно прекратить свои формальные связи с Коминтерном» [20, p. 135].

21 ноября 1940 г. Президиум ИККИ принял резолюцию, написанную Димитровым, в которой подчеркивалась политическая правильность и целесообразность принятого внеочередным съездом КП США решения, но, вместе с тем отмечался его преходящий (временный) характер [2, с. 51]. В новый устав Компартии США были внесены положения, объявлявшие о поддержке партией демократических завоеваний американского народа, продолжении традиции Т. Джефферсона, Т. Пейна, Э. Джексона и А. Линкольна, принятии положений Конституции и Декларации независимости, а также о борьбе за непосредственные интересы всех трудящихся против капитализма и подготовке рабочего класса к выполнению его исторической миссии. После этих формулировок в Уставе провозглашалось намерение «бороться против всяких попыток навязать нашему народу произвол какой-либо эгоистичной группы меньшинства, партии, клики или заговора, исходящего извне или изнутри» [19, p. 1088].

Посол США в СССР Л. Штейнгардт в отправленной телеграмме в Госдепартамент 6 января 1941 г. выразил недоверие объявленному прекращению организационных связей КП США с Коминтерном: «Ввиду того факта, что контроль, осуществляемый Коминтерном над его партиями-членами в других странах, не осуществляется через публичные каналы, этот очевидный разрыв организационных связей не имеет смысла, особенно с учетом резолюции внеочередного съезда, согласно которой Компартия США продолжит служить делу Ленина и Сталина» [24, p. 596]. Известный специалист по истории Коминтерна Ф. И. Фирсов заметил, что «формально независимая Компартия США продолжала нелегально получать деньги из Москвы, инструкции по работе, хотя их тон стал несколько другим. Указания выглядели как просьбы и предложения» [14, с. 103].

Ситуация с выходом Компартии США стала поводом для постановки вопроса о судьбе Коминтерна и корректировке стратегии международного коммунистического движения (МКД) в изменившихся условиях. 20 апреля 1941 г. на фуршете для членов Политбюро, проходившем после концерта в Большом театре, Сталин, намекая на случай с выходом КП США, фактически предложил роспуск Коминтерна. Суть предложения Сталина заключалась в том, чтобы: 1) предоставить компартиям право на самостоятельное решение ими конкретных за-

дач без приказов из Москвы; 2) восстановить международную организацию после укрепления партий в ходе самостоятельной деятельности без внешних директив. Коминтерн, развивал свою мысль Сталин, создавался в ожидании международной революции, но в 1940-е гг. на первый план стали выходить национальные задачи для каждой страны. Он подчеркивал, что положение компартий как секций международной организации, подчиненной ИККИ, стало помехой для деятельности самих компартий в своих странах. Согласно воспоминаниям Г. Димитрова, Сталин заявил: «Не держитесь за то, что было вчера. Учитывайте <...> новые условия <...> Принадлежность компартий к Коминтерну в настоящих условиях облегчает преследования буржуазии против них <...>, а компартиям мешает самостоятельно развиваться и решать свои задачи как национальным партиям...» [2, с. 423].

На следующий день Димитров провел беседу с П. Тольятти и М. Торезом и поставил перед ними вопросы о 1) прекращении деятельности ИККИ как руководящей инстанции для компартий на ближайший период; 2) предоставлении полной самостоятельности отдельным компартиям, превращении их в национальные партии, руководствующиеся коммунистической программой, но разрешающие собственные конкретные задачи сообразно условиям своих стран и несущие ответственность за принятые решения и осуществляемые действия; 3) создании вместо ИККИ «органа информации и идеологической и политической помощи компартиям» [20, р. 156]. Таким образом, был поставлен вопрос о дальнейшем существовании Коминтерна и стратегии МКД в условиях Второй мировой войны.

Ряд исследователей (Б. Байерляйн, Ф. Фирсов, Н. Лебедева, М. Наринский) обосновывают вывод о том, что Сталин решил распустить Коминтерн в первую очередь потому, что тот был помехой «для сохранения дружеских отношений СССР с гитлеровской Германией» [2, с. 560; 14, с. 440], т. е. руководствовался больше геополитическими, чем организационно-идеологическими причинами. Тем не менее к середине мая 1941 г. обсуждение вопроса о Коминтерне, поднятого Сталиным, прекратилось «по неустановленным причинам» [14, с. 183].

22 июня 1941 г., после нападения Германии на СССР, Сталин дал Димитрову указания касательно работы Коминтерна в условиях войны: «Коминтерн пока не должен выступать открыто. – Партии на местах развертывают движение в защиту СССР. Не ставить вопрос о социалистических революциях. Сов[етский] народ ведет Отечественную войну против фашистской Германии. Вопрос идет о разгроме фашизма, поработившего ряд народов и стремящегося поработить и другие народы» [4, с. 33]. Следовательно, Коминтерн должен был координировать усилия компартий по защите Советского Союза и разгрому фашизма, а также ориентировать их на участие в сопротивлении фашизму в оккупированных странах, а в дальнейшем – на поддержку военных действий государств складывавшейся антигитлеровской коалиции.

Для выполнения указаний Сталина была перестроена работа аппарата ИККИ, «создана тройка в лице Димитрова, Мануильского и Эрколи для непосредственного руководства всей работой ИККИ», «установлен теснейший контакт» ИККИ с Управлением пропаганды ЦК ВКП(б) [13, с. 602].

Вопрос о роспуске Коминтерна отошел на второй план, но Интернационал продолжал существовать, и американские дипломаты продолжали выражать обеспокоенность этим фактом. Начальник отдела по европейским делам Л. Хендерсон писал в Госдепартамент 9 апреля 1942 г.: «Хотя о Коммунистическом Интернационале в настоящее время мало что слышно, у нас нет информации, которая заставила бы нас поверить, что его руководящие органы прекратили работать в Советском Союзе. КП США в качестве секции Коминтерна поддерживает военные усилия в той мере, в которой такие усилия могут быть полезны Советскому Союзу. Однако она не прекратила работать для возможного насильственного свержения [американского] правительства и установления коммунистической диктатуры» [25, pp. 436–437]. Письмо заканчивалось предложениями по мерам предосторожности, чтобы не допустить тайных агентов Коминтерна в США.

В следующий раз американские дипломаты вернулись к теме Коминтерна в феврале 1943 г., когда Э. Дарброу из Госдепартамента и бывший посол в СССР Дж. Дэвис рассматривали возможность убедить руководство СССР в целесообразности роспуска Коминтерна и его организаций за рубежом. Дарброу при этом отмечал, что «любое базовое соглашение с Советским Союзом должно включать конкретное понимание необходимости прекращения деятельности Коминтерна» [26, р. 503].

Непосредственным поводом к принятию решения о роспуске Коминтерна, по мнению Ф. И. Фирсова, стало известие о предстоящем визите в Москву Дж. Дэвиса. Народный комиссар

иностранных дел СССР В. М. Молотов узнал об этом в середине апреля 1943 г. Советской разведке было известно, что среди прочих Дэвис должен был задать руководству СССР вопрос: «Почему Вы не освободитесь от Коминтерна и не покажете всему миру, что Вы более не используете его для содействия мировой революции, даже в отношении стран, известных как союзные или дружественные?» [13, с. 639]. К подобной версии склоняется и испанский историк Ф. Клаудин, отметивший, что «Коминтерн был распущен <...> по приказу Сталина, чтобы облегчить переговоры с Рузвельтом и Черчиллем, целью которых было не только обеспечить поражение Германии, но и создать условия для разделения мира между “Большой тройкой”» [18, р. 18].

8 мая Молотов встретился с Г. Димитровым и Д. Мануильским. Итогом встречи стало решение о подготовке документа о роспуске Коминтерна. Участники встречи обосновывали причину ликвидации Коминтерна тем, что «при создавшихся условиях» эта организация стала «помехой самостоятельного развития компартий и выполнения их особых задач» [13, с. 639]. 11 мая был составлен проект постановления Президиума ИККИ, который был вынесен на обсуждение. Никто из членов исполкома не оспаривал необходимость роспуска, но у некоторых участников обсуждения 14–17 мая все-таки возникали сомнения. Например, В. Пик считал, что не все партии созрели до такой стадии, когда они могут самостоятельно решать свои задачи без помощи со стороны более опытных «советских друзей» (в частности, германская компартия, по мнению Пика, относилась к числу недостаточно политически зрелых организаций). В противоположность ему В. Коларов заявил, что в условиях существования СССР компартии не останутся без руководства и поддержки [8, с. 355]. Таким образом, централизованное руководство компартиями должно было принять скрытые формы, но не отменялось совсем [6, с. 447].

В ночь с 19 на 20 мая текст постановления Президиума Исполкома Коминтерна был окончательно согласован на совещании у Сталина и направлен национальным компартиям. Официально оно было опубликовано 22 мая в журнале «Коммунистический Интернационал» и газете «Правда». 8 июня Президиум ИККИ постановил прекратить деятельность органов Коминтерна с 10 июня 1943 г.

Постановление Президиума ИККИ означало, что национальные секции Коминтерна были преобразованы в самостоятельные компартии, освобожденные от своих обязательств, вытекающих из уставов и резолюций съездов организации. Не предусматривалось никакой другой формы международных связей между компартиями и не было ни малейшего намека на возможность их установления в будущем. Из секций единой мировой коммунистической организации, руководимой Исполкомом Коминтерна, компартии превратились в национальные партии, которые при решении всех вопросов могли исходить из конкретных условий и особенностей каждой страны. С объявлением роспуска Коминтерна обвинение компартий в том, что они являются агентами иностранного государства, переставало быть «козырем в руках» противников коммунистического движения и помогало партиям укрепить свое влияние среди населения [13, с. 642].

Посол США в Москве У. Стэндли отправил в Госдепартамент телеграммы, которые содержали перевод постановления ИККИ от 23 мая 1943 г. и текст интервью Сталина, где говорилось о своевременности роспуска международной коммунистической организации в то время как «свободолюбивые народы мира» сражаются против гитлеризма [26, р. 537]. Однако посол США в Великобритании Дж. Вайнант, отмечая роспуск Коминтерна как позитивный факт, писал, что нет никакой гарантии, что он «не будет восстановлен <...> в будущем, если это будет соответствовать российским целям. Ликвидация этой широко ненавистой и зловещей организации должна быть истолкована как признак реального желания со стороны Сталина и его правительства сотрудничать с дружественными странами в деле восстановления Европы. <...> Жест Москвы имеет реальное значение как символ стремления России публично отказаться от всяких подрывных целей в послевоенную эпоху» [26, р. 532]. Посол считал, что роспуск Интернационала является признаком уверенности Москвы в собственных силах.

Позиция Сталина по данному вопросу была связана с обеспечением более благоприятных условий для сотрудничества с западными союзниками, поэтому формальная ликвидация Коминтерна способствовала устранению разногласий в отношениях между союзниками. Новость о роспуске Коминтерна была положительно воспринята Дж. Дэвисом, который в беседе с К. Ворошиловым назвал это решение «очень своевременным» [15, с. 20].

Европейские компартии после роспуска Коминтерна: взгляд из Вашингтона. Вскоре после нападения нацистской Германии на Советский Союз генерал У. Донован, директор

созданного в июле 1941 г. Управления координатора по вопросам информации (Office of the Coordinator of Information), более известного под более поздним названием – Управление стратегических служб (OSS, УСС), – связался с Ю. Деннисом, членом Национального комитета Компартии США. Donovanу нужны были новобранцы для новой американской разведывательной службы, которые бы свободно владели иностранными языками, были бы знакомы с партизанской войной и могли бы эффективно работать с иностранными движениями сопротивления, многие из которых возглавлялись коммунистами. Немногие американцы в 1941 г. соответствовали этому описанию, поэтому Donovan сразу обратился к наиболее подходящему источнику. Партия скрыто сделала все возможное, чтобы помочь Donovanу, подготовив досье на вероятных новобранцев среди своих членов и передав их в УСС [27, p. 183].

Donovan действовал с большой осторожностью в своих контактах с компартией. Директор ФБР Дж. Эдгар Гувер, рассматривавший УСС как группу высокомерных любителей, вторгшихся на его собственную территорию, не считал, что американо-советское сотрудничество должно стать поводом для прекращения борьбы с радикалами. Агенты ФБР продолжали преследовать новобранцев УСС с левыми взглядами.

Развитие американо-советского сотрудничества приводило Генерального секретаря ЦК Компартии США Э. Браудера к мысли, что организация должна снять вопрос о революции и социализме с повестки дня, чтобы не ослабить «национальное единство», достигнутое в ходе войны [17, p. 8]. Поэтому Браудер предложил распустить партию в интересах «национального единства». В ближайшее время, считал он, американские коммунисты не будут бороться за свои собственные цели, а станут выражать местные и региональные интересы, поддерживая на выборах кандидатов от Демократической партии и прогрессистских сил. По его мнению, преобразование партии в «Коммунистическую политическую ассоциацию» облегчило бы сотрудничество с теми силами, которые участвуют в политической жизни через двухпартийную систему. 20–22 мая 1944 г., почти через год после решения о прекращении деятельности Коминтерна, Компартия США приняла решение о преобразовании в Коммунистическую политическую ассоциацию.

Однако среди некоторых компартий подобный ход трактовался как «ликвидация партии рабочего класса» и ревизионизм, выражавшийся в выдвигании Браудером «концепции долгосрочного классового мира». Именно такая позиция была высказана заместителем Генерального секретаря Французской компартии Ж. Дюкло в статье «О роспуске Американской компартии». В статье говорилось: «<...> превращая Тегеранскую декларацию союзных правительств, которая является документом дипломатического характера, в политическую платформу классового мира в Соединенных Штатах в послевоенный период, американские коммунисты радикальным образом искажают смысл Тегеранской декларации» [27, p. 218]. Дюкло обвинил Браудера в том, что тот отказался от марксистской линии, принял позицию классового сотрудничества и рассматривал ситуацию в Соединенных Штатах в ложном свете, выпуская из поля зрения вопрос о «завоевании власти».

Ситуацию усугубляло то, что Дж. Берти, один из итальянских коммунистов, прошедших годы войны в эмиграции в США, опубликовал в издававшейся им (на итальянском и английском языке) газете под названием «Италия сегодня» статью Дюкло. Берти посчитал, что эта публикация послужит подходящим поводом для заявления о самостоятельности итальянских коммунистов-эмигрантов. Выпуск газеты от 23 мая 1944 г., в котором была опубликована статья Ж. Дюкло, был впервые издан от имени «делегации Итальянской коммунистической партии в Северной Америке», тогда как прежде подобных примечаний в ней не появлялось. ИКП пользовалась большим авторитетом среди американских коммунистов, некоторые из которых работали с деятелями ИКП во время Гражданской войны в Испании. Этот шаг Берти поставил Браудера в неудобное положение: он предполагал, что многие американские коммунисты могли истолковать публикацию этой статьи как свидетельство одобрения итальянскими коммунистами критики Дюкло, что еще больше подрывало и без того шаткую позицию Браудера.

В Госдепартаменте следили за ситуацией вокруг разногласий между Дюкло и Браудером. Специальный помощник начальника Отдела по европейским делам Р. Мерфи сообщил помощнику Госсекретаря У. Филлипсу и начальнику Отдела по европейским делам Х. Ф. Мэтьюзу о том, что критика линии Браудера со стороны Дюкло вместе с возобновлением западноевропейскими компартиями критики капиталистических порядков вполне может предшествовать воссозданию Коминтерна, который будет подчинен Москве и станет инструментом для дискредитации политики Вашингтона, если она не будет совпадать с политикой Москвы. Мерфи резю-

мировал: «Чтобы твердо и решительно разобраться с ситуацией и тем самым использовать наилучшим образом отношения с Советским Союзом, правительство должно рассматривать американское коммунистическое движение как потенциальную пятую колонну. Такие действия будут иметь положительный эффект в других зарубежных странах, если они продемонстрируют, что данная страна может поддерживать правильные и сердечные отношения с Советским Союзом и одновременно привлекать своих граждан к строгой ответственности за действия в качестве агентов Советского Союза» [21, р. 588].

В дальнейшем политическая терпимость, которой коммунисты пользовались во время войны, быстро сошла на нет. Слушания в Комитете по военным делам Палаты представителей весной 1945 г., посвященные предполагаемому «проникновению» коммунистов в офицерский корпус армии, были одним из первых предвестников перемен. Другим было «дело Аме-разии» летом 1945 г., когда журналистская утечка в независимый левый журнал была превращена Министерством юстиции и газетами в шпионский скандал. Впервые публично был поднят вопрос о проникновении коммунистов в Госдепартамент, и возобновилась идентификация коммунистов с советскими шпионами, чего во время войны фактически не было. Укоренению этой перцепции в сознании американцев способствовали показания высокопоставленных ренегатов-коммунистов. Например, редактор восстановленной в июне 1945 г. газеты Компартии США «Daily Worker» Л. Буденц сообщил членам Комитета по расследованию антиамериканской деятельности Палаты Представителей Конгресса США, что «Коммунистическая партия в Соединенных Штатах является прямым подразделением НКВД СССР», и что каждый американский коммунист «занимается потенциальным шпионажем против Соединенных Штатов» [27, р. 239]. Подобные скандальные заявления усугубляли положение Компартии США, которую вместо Браудера возглавили У. Фостер и Ю. Деннис.

С роспуском Коминтерна контроль за компартиями со стороны СССР не был ликвидирован. 13 июня 1943 г. был образован Отдел международной информации ЦК ВКП(б), в который была переведена значительная часть аппарата бывшего руководителя Коминтерна Г. Димитрова, возглавившего этот отдел с декабря 1943 г. В изменившихся условиях Отдел осуществлял связь с зарубежными компартиями, оказывал им помощь, в том числе финансовую. Указания, которые раньше давал компартиям Коминтерн, теперь приняли форму «товарищеских советов» и рекомендаций, не носивших обязательного характера, но, тем не менее, дисциплинированно выполнявшихся, поскольку за этими советами «стояли авторитет Советской страны, власть Сталина» [13, с. 645]. Имущество Коминтерна и некоторых его учреждений (в частности, Службы связи [до 1935 г. – Отдел международных связей], партийной школы для иностранных кадров, библиотеки, издательства литературы на иностранных языках, архива) перешло в ведение советских ведомств. Сохранены были и одиннадцать заграничных бюро по связям с партиями, которые работали на нелегальном положении в условиях войны.

Заключение. Первичное восприятие международного коммунистического движения в США складывалось в 1920-х – 1930-х гг. при столкновении с практической деятельностью Коминтерна. Американскими дипломатами осознавалась неразрывная связь между Советской Россией/СССР (государством) и Коминтерном (международной компартией, нацеленной на мировую социалистическую революцию). Способы противодействия коммунистам в США со стороны правительства были репрессивными (аресты руководителей, рейды ФБР на штаб-квартиры партии), законодательными (принятие законов против «красных»), агентурными (засылка провокаторов и осведомителей), информационными (отслеживание и обнародование документов, фиксировавших подрывную деятельность Коминтерна в США), оградительными (депортации коммунистов – эмигрантов из России – в РСФСР).

Для американских дипломатов подрывная практика Коминтерна стала препятствием для установления дружественных отношений между Москвой и Вашингтоном. Заявление наркома иностранных дел СССР М. М. Литвинова в письме президенту США Ф. Д. Рузвельту с декларацией о невмешательстве во внутренние дела США со стороны СССР рассматривалось американской стороной как обязательство. Письмо Литвинова не убедило американских дипломатов, впоследствии тщательно отслеживавших нарушение обязательств со стороны СССР. Из-за связей американских коммунистов с Коминтерном посол У. Буллит многократно выражал протесты по поводу вмешательства СССР во внутренние дела США. Неудачные попытки повлиять на Советское правительство в этом вопросе осложняли межгосударственные отношения и побуждали американских законодателей и дипломатов продумать новые методы противодействия.

Принятие закона Вурхиса в октябре 1940 г. было воспринято как угроза существованию Компартии США. Для обхода этого акта было принято решение о формальном выходе из Коминтерна. Американские коммунисты продолжали получать инструкции по работе и финансирование из Москвы через нелегальные каналы. Американские дипломаты не доверяли объявленному прекращению организационных связей Компартии США с Коминтерном.

В годы Второй мировой войны Коминтерн сосредоточился на координации усилий компартий по защите СССР, борьбе с фашизмом, участию в Движении сопротивления в оккупированных нацистской Германией странах и поддержке антигитлеровской коалиции. Компартия США под руководством Э. Браудера, вдохновленного самим фактом сотрудничества США, Великобритании и СССР, поддержала англо-советско-американский союз и выступила в поддержку правительственного курса на укрепление «национального единства», предполагая, что союз США и СССР сохранится после окончания войны.

Однако позиция Госдепартамента относительно Коминтерна не претерпела изменений и во время войны. В феврале 1943 г. была выработана позиция, согласно которой всякое основополагающее соглашение с СССР должно было заключаться только при условии прекращения деятельности Коминтерна. В условиях, когда Соединенные Штаты считались союзной, дружественной Советскому Союзу державой, вопрос о сохранении Коминтерна не был для Сталина принципиально важным. Ликвидация Коминтерна устраняла давнее разногласие и была положительно воспринята в Госдепартаменте. Однако уже на момент окончания войны и в первые послевоенные месяцы американские дипломаты (в частности, Р. Мерфи, У. Б. Смит) прогнозировали восстановление Коминтерна в обозримом будущем.

В течение нескольких десятилетий американские органы власти совершенствовали инструментарий борьбы против коммунизма – от слежки, арестов и высылки – до принятия законов об «иностранных агентах». После окончания Второй мировой войны зона борьбы с «мировым коммунизмом» помимо собственной территории США стала включать жизненно важные страны мира, в которых действовали сильные компартии – и прежде всего в крупнейших западноевропейских странах, где коммунисты играли весомую роль в Движении сопротивления фашизму.

Список литературы

1. Адибеков Г. М., Шахназарова Э. Н., Ширина К. К. Организационная структура Коминтерна. 1919–1943. М. : РОССПЭН, 1997. 280 с.
2. Байерляйн Б. «Предатель – ты, Сталин!» Коминтерн и коммунистические партии в начале Второй мировой войны (1939–1941): утраченная солидарность левых сил / пер. с нем. К. А. Левинсона. М. : РОССПЭН, 2011. 679 с.
3. Ватлин А. Ю. Коминтерн: Идеи, решения, судьбы. М. : РОССПЭН, 2009. 374 с.
4. Димитров Г. Дневник Георгия Димитрова (1941–1945) / отв. сост. Т. Г. Зазерская. М. : Кучково поле, 2020. 640 с.
5. История Коммунистического Интернационала 1919–1943 : документальные очерки / отв. ред. А. О. Чубарьян; Ин-т всеобщей истории. М. : Наука, 2002. 412 с.
6. История Коммунистической партии Советского Союза / отв. ред. А. Б. Безбородов; науч. ред. Н. В. Елисеева. М. : Политическая энциклопедия, 2014. 671 с.
7. Коминтерн в Латинской Америке: исторические традиции и политические процессы / отв. ред. В. Л. Хейфец. М. : Весь Мир, 2021. 968 с.
8. Коминтерн и Вторая мировая война : в 2 ч. Ч. II. После 22 июня 1941 г. / Ин-т всеобщей истории РАН, Гос. архив. служба России, Рос. центр хранения и изучения док. новейшей истории; сост., авт. вступит. статьи и коммент. Н. С. Лебедева, М. М. Наринский, отв. ред. К. М. Андерсон, А. О. Чубарьян. М. : Памятники ист. мысли, 1997. 596 с.
9. Первый конгресс Коминтерна. Март 1919 г. Протоколы конгрессов Коммунистического Интернационала / под ред. Е. Короткого, Б. Куна и О. Пятницкого. М. : Партийное издательство, 1933. 275 с.
10. Петров П. С. Возникновение Компартии США и ее борьба за легализацию. М. : Мысль, 1971. 281 с.
11. Суздальцев И. А. Об особенностях англоязычной историографии Коминтерна // Вестник гуманитарного образования. 2023. № 2 (30). С. 86–94.
12. Суздальцев И. А. Политика Коминтерна в отношении КП США в работах современных англоязычных историков // Клио. 2022. № 11 (191). С. 33–38.
13. Фирсов Ф. И. Коминтерн: погоня за призраком. Переосмысление. Изд. 2-е, исправл. и дополн. М. : АИРО-XXI, 2020. 672 с.
14. Фирсов Ф. И. Секреты Коммунистического Интернационала. Шифропереписка. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. 528 с.

15. Юнгблюд В. Т. Роспуск Коминтерна в мае 1943 г.: отклики и анализ в США // Вопросы истории. 2013. № 2. С. 18–33.
16. Barrett J. R. What Went Wrong? The Communist Party, the US, and the Comintern // American Communist History. 2018. Vol. 17. No. 2. Pp. 176–184.
17. Browder E. Teheran-History's Greatest Turning Point // Communist. Vol. XXIII. January 1944. P. 8.
18. Claudin F. The Communist Movement from Comintern to Cominform. Part One. The Crisis of the Communist International. N. Y. : Penguin, 1975. 307 p.
19. Constitution of the Communist Party, U.S.A. // The Communist. December 1940. P. 1088.
20. Dimitrov G. The diary of Georgi Dimitrov, 1933–1949 / introduced and edited by I. Banac. New Haven & London, Yale UP, 2003. 584 p.
21. Foreign Relations of the United States: Diplomatic Papers, The Conference of Berlin (The Potsdam Conference), 1945. Vol. I. Washington : USGPO, 1960. 1054 p.
22. Foreign Relations of the United States: Diplomatic Papers. 1933–1939. The Soviet Union. Washington : USGPO, 1952. 1014 p.
23. Foreign Relations of the United States: Diplomatic Papers. 1940. The British Commonwealth, The Soviet Union, The Near East and Africa. Vol. III. Washington : USGPO, 1958. 1010 p.
24. Foreign Relations of the United States: Diplomatic Papers. 1941. General, The Soviet Union. Vol. I. Washington : USGPO, 1959. 1024 p.
25. Foreign Relations of the United States: Diplomatic Papers. 1942. Europe. Vol. III. Washington : USGPO, 1961. 845 p.
26. Foreign Relations of the United States: Diplomatic Papers. 1943. The British Commonwealth, Eastern Europe, the Far East. Vol. III. Washington : USGPO, 1963. 1125 p.
27. Isserman M. Which Side Were You On? The American Communist Party During the Second World War. Middletown, Connecticut : Wesleyan UP, 1982. 306 p.
28. Klehr H., Haynes J. E., Anderson K. M. The Soviet World of American Communism / H. Klehr, J. E. Haynes, K. M. Anderson. New Haven, London : Yale UP, 1998. 380 p.
29. Margiocco M. Stati Uniti e PCI: 1943–1980. Roma : Editori Laterza, 1981. 332 p.
30. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1919, Russia. Washington : USGPO, 1937. 791 p.
31. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1920. Vol. III. Washington : USGPO, 1936. 809 p.
32. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1923. Vol. II. Washington : USGPO, 1938. 1260 p.
33. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1927. Vol. I. Washington : USGPO, 1942. 565 p.
34. Selverstone M. J. Constructing the Monolith: the United States, Great Britain, and International Communism, 1945–1950. Cambridge, Mass.; London : Harvard UP, 2009. 304 p.
35. Vaisse J. Zbigniew Brzezinski: America's Grand Strategist / Translated by C. Porter. Cambridge, Mass.; London : Harvard UP, 2018. 450 p.
36. Zumoff J. A. The Communist Party of the United States and the Communist International, 1919–1929. A Thesis Presented in Candidacy for the Degree of Doctor of Philosophy in History University College, London. L., 2003. 380 p.

The Communist International in the perception of American diplomats, 1919–1944

Bakshaev Maxim Vladimirovich

PhD in Historical Sciences, Vyatka State University.

Russia, Kirov. ORCID: 0000-0001-6271-1308. ResearcherID: HIK-2285-2022. E-mail: randvmax@gmail.com

Abstract. Based on the documents of the US State Department, the position of its leaders and diplomats in relation to the Communist International for the entire period of time from its foundation to its dissolution is reconstructed. A special place is given to the Communist Party of the USA as a section of the Comintern. The activities of the Comintern affected US foreign policy and left an imprint on the views of diplomats (F. Coleman, W. Bullitt, E. Page, Jr.) and strategic ideologists (J. Kennan, Zb. Brzezinski). The experience of the participation of the American diplomatic department in the 1920s – the first half of the 1940s. It is still relevant in countering the "world Communist Party". During this period of history, the United States developed methods to neutralize political opponents (the US Communist Party, and after World War II – the Communist parties of Western Europe and pro-Soviet forces around the world), which are still being used in a modified form by Washington. The purpose of the article is to trace the changes in the position of the US diplomatic corps in relation to the Comin-

tern in 1919–1943. The subject of the study is the assessments, plans and actions of American diplomats used during the formation of U.S. policy towards Soviet Russia/USSR before and during World War II. The conclusions are substantiated: 1) in the 1920s, American diplomats realized the inextricability of ties between Soviet Russia/The USSR and the Comintern, between the Comintern and the Communist Party of the USA, which led to the development of specific ways to counter the Communists by the US government, (repressive, legislative, agent, information and protective); 2) the activities of the Comintern and the Communist Party of the USA in the 1920s and early 1930s complicated relations between Moscow and Washington and encouraged US legislators and diplomats to counter foreign subversive activities; 3) during World War II, the State Department was concerned about the very existence of the Comintern and in February 1943 developed a position according to which important agreements The USSR should have included a provision on the termination of the activities of the Comintern. The results of the study can be used for subsequent studies on the history of Soviet-American relations, the history of the international communist movement.

Keywords: Soviet-American relations, the U.S. Department of State, the Communist International, the U.S. Communist Party, Voorhees Law.

References

1. Adibekov G. M., Shahnazarova E. N., Shirinya K. K. *Organizacionnaya struktura Komintern. 1919–1943* [Organizational structure of the Comintern. 1919–1943]. M. ROSSPAN, 1997. 280 p.
2. Bayerlyajn B. "Predatel' – ty, Stalin!" *Komintern i kommunisticheskie partii v nachale Vtoroj mirovoj vojny (1939–1941): utrachennaya solidarnost' levyh sil* ["You are a traitor, Stalin!" The Comintern and the Communist parties at the beginning of World War II (1939–1941): the lost solidarity of the left forces] / [transl. from German K. A. Levinson]. M. ROSSPAN : B. N. Yeltsin Presidential Center Foundation, 2011. 679 p.
3. Vatlin A. Yu. *Komintern: Idei, resheniya, sud'by* [Comintern: Ideas, solutions, destinies]. M. ROSSPAN, 2009. 374 p.
4. Dimitrov G. *Dnevnik Georgiya Dimitrova (1941–1945)* [The diary of Georgy Dimitrov (1941–1945)] / ed. comp. T. G. Zazerskaya. M. Kuchkovo field, 2020. 640 p.
5. *Istoriya Kommunisticheskogo Internacionala 1919–1943 : dokumental'nye ocherki* – The History of the Communist International 1919–1943 : documentary essays / ed. by A. O. Chubaryan; Institute of Universal History. M. Nauka (Science), 2002. 412 p.
6. *Istoriya Kommunisticheskoy partii Sovetskogo Soyuza* – The history of the Communist Party of the Soviet Union / ed. A. B. Bezborodov; scient. ed. N. V. Eliseeva. M. Political Encyclopedia, 2014. 671 p.
7. *Komintern v Latinskoj Amerike: istoricheskie tradicii i politicheskie processy* – The Comintern in Latin America: historical traditions and political processes / ed. by V. L. Heifetz, M. Ves' Mir (The Whole World), 2021. 968 p.
8. *Komintern i Vtoraya mirovaya vojna : v 2 ch. Ch. II. Posle 22 iyunya 1941 g.* – The Comintern and the Second World War : in 2 parts. Part II. After June 22, 1941 / Institute of General History of the Russian Academy of Sciences, State Archive. the Service of Russia, Russian Center for the storage and study of doc. modern history; comp., auth. He will join. articles and comments by N. S. Lebedev, M. M. Narinsky, rev. K. M. Anderson, A. O. Chubaryan. M. Pamyatniki istoricheskoy mysli (Monuments of Historical Thought), 1997. 596 p.
9. *Pervyj kongress Komintern. Mart 1919 g. Protokoly kongressov Kommunisticheskogo Internacionala* – The First Congress of the Comintern. March 1919 Protocols of the Congresses of the Communist International / ed. by E. Korotsky, B. Kuhn and O. Pyatnitsky, M. Party Publishing House, 1933. 275 p.
10. *Petrov P. S. Vozniknovenie Kompartii SShA i ee bor'ba za legalizaciyu* [The emergence of the US Communist Party and its struggle for legalization]. M. Mysl (Thought), 1971. 281 p.
11. *Suzdal'cev I. A. Ob osobennostyah angloyazychnoj istoriografii Komintern* [On the peculiarities of the English-language historiography of the Comintern] // *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya* – Herald of Humanitarian Education. 2023. No. 2 (30). Pp. 86–94.
12. *Suzdal'cev I. A. Politika Komintern v otnoshenii KP SShA v rabotah sovremennykh angloyazychnykh istorikov* [The policy of the Comintern in relation to the CP of the USA in the works of modern English-speaking historians] // *Klio* – Klio. 2022. No. 11 (191). Pp. 33–38.
13. *Firsov F. I. Komintern: pogonya za prizrakov. Pereosmyslenie. Izd. 2-e, ispravl. i dopoln.* [Comintern: chasing a ghost. Reinterpretation. 2nd ed., corr. and suppl.]. M. AIRO-XXI, 2020. 672 p.
14. *Firsov F. I. Sekrety Kommunisticheskogo Internacionala. Shifroperepiska* [Secrets of the Communist International. Cipher correspondence]. M. ROSSPEN Foundation "Presidential Center of B. N. Yeltsin", 2011. 528 p.
15. *Yungblud V. T. Rospusk Komintern v mae 1943 g.: otkliki i analiz v SShA* [The dissolution of the Comintern in May 1943: responses and analysis in the USA] // *Voprosy istorii* – Questions of history. 2013. No. 2. Pp. 18–33.
16. *Barrett J. R. What Went Wrong? The Communist Party, the US, and the Comintern* // *American Communist History*. 2018. Vol. 17. No. 2. Pp. 176–184.
17. *Browder E. Teheran-History's Greatest Turning Point* // *Communist*. Vol. XXIII. January 1944. P. 8.
18. *Claudin F. The Communist Movement from Comintern to Cominform. Part One. The Crisis of the Communist International*. N. Y. : Penguin, 1975. 307 p.

19. Constitution of the Communist Party, U.S.A. // *The Communist*. December 1940. P. 1088.
20. *Dimitrov G.* The diary of Georgi Dimitrov, 1933–1949 / introduced and ed. by I. Banac. New Haven & London, Yale UP, 2003. 584 p.
21. Foreign Relations of the United States: Diplomatic Papers, The Conference of Berlin (The Potsdam Conference), 1945. Vol. I. Washington : USGPO, 1960. 1054 p.
22. Foreign Relations of the United States: Diplomatic Papers. 1933–1939. The Soviet Union. Washington : USGPO, 1952. 1014 p.
23. Foreign Relations of the United States: Diplomatic Papers. 1940. The British Commonwealth, The Soviet Union, The Near East and Africa. Vol. III. Washington : USGPO, 1958. 1010 p.
24. Foreign Relations of the United States: Diplomatic Papers. 1941. General, The Soviet Union. Vol. I. Washington : USGPO, 1959. 1024 p.
25. Foreign Relations of the United States: Diplomatic Papers. 1942. Europe. Vol. III. Washington : USGPO, 1961. 845 p.
26. Foreign Relations of the United States: Diplomatic Papers. 1943. The British Commonwealth, Eastern Europe, the Far East. Vol. III. Washington : USGPO, 1963. 1125 p.
27. *Isserman M.* Which Side Were You On? The American Communist Party During the Second World War. Middletown, Connecticut : Wesleyan UP, 1982. 306 p.
28. *Klehr H., Haynes J. E., Anderson K. M.* The Soviet World of American Communism / H. Klehr, J. E. Haynes, K. M. Anderson. New Haven, London : Yale UP, 1998. 380 p.
29. *Margiocco M.* Stati Uniti e PCI: 1943–1980. Roma : Editori Laterza, 1981. 332 p.
30. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1919, Russia. Washington : USGPO, 1937. 791 p.
31. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1920. Vol. III. Washington : USGPO, 1936. 809 p.
32. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1923. Vol. II. Washington : USGPO, 1938. 1260 p.
33. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1927. Vol. I. Washington : USGPO, 1942. 565 p.
34. *Silverstone M. J.* Constructing the Monolith: the United States, Great Britain, and International Communism, 1945–1950. Cambridge, Mass.; London : Harvard UP, 2009. 304 p.
35. *Vaisse J.* Zbigniew Brzezinski: America's Grand Strategist / Translated by C. Porter. Cambridge, Mass.; London : Harvard UP, 2018. 450 p.
36. *Zumoff J. A.* The Communist Party of the United States and the Communist International, 1919–1929. A Thesis Presented in Candidacy for the Degree of Doctor of Philosophy in History University College, London. L., 2003. 380 p.